

Февральская метель, сдувая пушистый снег с крыши дачного дома, бушевала всю ночь, била в заиндевелое окно корявой веткой старой сливы. Под утро вьюга стихла, оставив после своего неукротимого разгула во дворе, в огороде, в саду завихренные ветром снежные наметы.

С рассветом, хмурым и холодным, пасмурное небо прояснилось в западной стороне. На востоке в сизой пелене плавали реденькие облачка, розовели, постепенно окрашивались в нежно-малиновый цвет. Блёклое солнце пробилось сквозь туманную дымку и, поднимаясь над синеющими вдали горами, осветило скупыми, не греющими лучами широкую пойму реки, правый, лесистый, с крутыми обрывами, берег и низменный левый, пестреющий заснеженными садовыми участками.

В это зимнее утро, студёное, с обжигающим лицо колючим ветерком, в доме на улице Тенистой нехотя встал с постели пожилой человек. Он до полуночи работал над рукописью романа о скифах, поздно лёг, долго не мог заснуть, взбудораженный завыванием бурана, вознёй воробьёв и синиц, забившихся под стрехи, постукиванием стылой сливовой ветки, тихим скулежом собаки, норовящей забраться к нему в кровать. Человек этот ещё лежал бы, млея под ватным одеялом, но мокрый и холодный собачий нос, грубо подпихнутый под него, толкнул раз, другой, потом, не дождавшись ответного внимания, громко гавкнул.

— Знаю, Дик... Знаю... Старпер хренов... Пёс никчемный... Лежебока... Потерпеть не можешь... Ладно, пойдём, будь ты

неладен,— опуская босые ноги в подшитые войлоком стопган-ные валенки, добродушно пробормотал хозяин собаки.

Набросив на худые плечи драный полушубок, нахлобучив на лысеющую голову кроличью шапку, направился к двери. Дик опередил его, уселся перед ней, нетерпеливо крутя хвостом и поскуливая.

— Гулять, Дик! — зябко поёживаясь в остывшей за ночь прохладной кухне, сказал хозяин, плотнее запахиваясь в полушубок.

Отбросил крючок, толкнул скрипнувшую дверь, впус-тившую с веранды клубы холодного воздуха, вышел, спешно захлопнул её за собой, сберегая в доме некоторое оставшееся с вечера тепло.

На ступенях крыльца с резными перилами бродячие коты оставили чёткие отпечатки лап. Над кормушкой, попискивая, крутились, порхая, поползни, воробьи, синицы. Туя, кедр и две ели, выросшие уже вровень с коньком крыши, причудли-во-кудряво обросли серебристым инеем, точно раскрашенные диковинной кистью. Мелкие снежинки кружились в чистом пространстве. Свежо, бело вокруг. Дышится легко и свободно.

Пёс, сделав свои собачьи дела, устремился в дом, по-ближе к печке, возле которой, он знал, хозяин поставит пе-ред ним чашки с водой и остатками ужина. А после того, как вскипит чайник и хозяин сядет пить кофе с бутербродами, непременно положит и ему, Дику, ломоть хлеба с кругляша-ми докторской колбасы.

Возвращаясь с короткой прогулки по запорошенной дорожке, хозяин, на ходу зачерпнув пригоршню пушистого снега, умылся и, крякая, потирая руки, вбежал в дом, тороп-ливо выдернул печную задвижку и принялся растапливать печь и камин. Набросал в топки сухих полешков, лучин, бе-ресты, оторвал от газеты лист, быстро пробежал глазами по заголовкам, не нашёл в них ничего интересного для себя, смял, бросил на розжиг. И всё потом было так, как знал Дик: в печи, в камине пылает огонь, на столе, потрескивая, за-кипает электрический чайник. Хозяин делает бутерброды. Один себе, другой, потолще, Дику. Потом усаживается в плетённое из ивовых прутьев кресло перед камином, на-бивает трубку кубинским табаком, подносит к ней спичку,

сладостно затягивается и, вытянув ноги, не глядя ставит голые ступни на лежащего на боку Дика. И тому нравится, как узловатые, искривлённые полиартритом пальцы ворошат шерсть, поглаживают заскорузлыми подошвами крепкую грудь, нащупывают уши, почёсывают их.

Дик стар. Сколько лет ему, неизвестно. Морда, усы, надбровья у него побелели. Седые волосинки пробиваются среди серой лохматой шерсти на спине. Желтоватые зубы, клыки сточены наполовину. Тупые когти на лапах стёрлись. Собачатники, водившие породистых питомцев по дачной улице, останавливаясь у дома писателя, бросали на Дика пренебрежительный взгляд, неопределённо пожимали плечами, выказывали мнение авторитетных знатоков:

— Так себе пёс... Старик уже... Лет двенадцать ему, а то и больше... Какой породы? Двориман! Никчемный... Знаете, из тех собак со стоячими острыми ушами и закрученным хвостом, всем своим видом говорящих о себе: «Хочу быть лайкой!»

Сказав так, очередной знаток собачьих пород самодовольно рассмеётся и, распустив поводок на всю длину, не спеша следует дальше, позволяя своему любимцу, наследнику благородных кровей, бесцеремонно задирать ногу у каждого дачного забора, у калиток, на газонах и в клумбах.

Эти самые «знатоки» утверждают, что возраст собаки, приравнивая к человеческому, надо умножить на восемь. Ну а если это и в самом деле так, то Дик у уже перевалило за девяносто. Однако, несмотря на преклонные лета, у него зоркие глаза и чуткий слух. Во всяком случае, на дряхлого пса с подслеповатыми слезящимися глазами не похож. Подвижен, ловок в драках с другими собаками, легко увёртывается от их острых зубов и сам вцепляется в шею противника мёртвой хваткой или, ухватив того за лохматое ухо, принуждает какого-нибудь визжащего от боли и страха элитного кобеля сдаться без боя на милость победителя.

Каждое земное существо — зверь, птица, рыба, насекомое или даже инфузория-туфелька — заслуживает того, чтобы про него говорили. Но, пожалуй, больше всего, с особым пристрастием и нескрываемой любовью, рассказывают о собаках. И каждый, кто подолгу общался с этими животными, нахваливая своего четвероного друга,

непрерывно скажет: «А вы знаете, какой он умный! Он всё понимает, только сказать не может».

Дик в этом смысле не исключение.

Хозяин ставит чашку с кашей, сваренной с куриными потрошками, безразличным тоном, занятый своими, не от мира сего, мыслями, произносит:

— Подожди немного... Ещё горячая...

И Дик лежит, не шелохнувшись.

Но вот хозяин, оторвавшись от бумаг и взглянув на часы, равнодушным голосом, как бы между прочим, замечает:

— Чего лежишь? Иди ешь... Уже остыла давно твоя каша.

И Дик встаёт, идёт к чашке, выбирает из неё вкусные пупки и сердечки, чавкает, благодарно посматривает на своего добродушного благодетеля.

А то хозяин обувает резиновые сапоги, берёт из кладовой складные удилица, и Дик знает: на рыбалку. Хозяин оборачивается к нему, с виноватостью в голосе говорит:

— Извини, брат... Не могу взять тебя с собой... Опять будешь по берегу озера носиться, чаек гонять, карасей пугать. Рыбаки начнут ругать тебя и меня... Или как на прошлой неделе — выхлебал ты холодную уху из чужого котелка, что стоял возле потухшего костра... Пришлось извиняться за тебя.

И Дик, вздохнув глубоко, продолжает дремать.

В другой раз хозяин опять обувает резиновые сапоги, надевает камуфляжный костюм и берёт корзину. И Дик знает: за грибами. Но лежит, ждёт с надеждой.

— Ты идёшь со мной, лежебока никчемный? — вопрошает хозяин, и Дик бодро встаёт, потягивается, предвкушая чудные запахи осеннего леса, скошенной травы, таинственные шорохи в прелых листьях, посвисты бурундуков, цоканье белок, хлопанье крыльев взлетающих на пшеничном поле куропаток и перепелов.

Ну разве не разумом воспринял Дик слова хозяина?

Попробуйте это же самое сказать корове, свинье, овце. Вот тут и задумаешься о наличии у собак определённого интеллекта, а не только рефлекса на пищу, на прогулки. Особенно когда видишь вислоухую дворняжку, сидящую у перехода «зебра» в ожидании зелёного сигнала светофора. Её никто не учил, не дрессировал. Никого рядом нет. Она

одна сидит. Вот остановились машины, и она спокойно перебегает на другую сторону улицы. Поразительно, но факт!

Лежанка Дика — домотканый круглый коврик, в углу, за камином. Он вылакал молочный суп, вылизал тарелку, съел положенный в неё бутерброд с колбасой. Наевшись, улёгся на коврике, вытянувшись на боку во весь рост. Зевнув, он засыпает, взвизгивает во сне, влаивает, порой рычит, дрыгает ногами. Что снится ему? Кто знает, что там, в собачьей башке? Может, видится ему, как поглаживают его, треплют за шею, чешут за ушами, угощают сладкой конфеткой или подносят вкусную сахарную косточку, на которой ещё осталось мясо... И тогда сонная собака, лёжа на боку, постукивает хвостом об пол. А может, вздыбив шерсть на загривке, ловко увернувшись от когтистой лапы, вцепился он сзади в штаны разъярённому медведю в тайге на охоте... Снятся драки с дворовыми псами... Облаивание белки, распутившей пушистый хвост с еловой ветки... Соболь, затаившийся на развилке высокого кедра... Кто знает?..

Камин в дачном доме писателя — это громко сказано. Обыкновенная печь с плитой, с обратной стороны которой выложен полукруглый чувал с открытым подом, с отдельным дымоходом. Хозяин, у которого, со слов соседей, «руки спереди», сам сложил печь с камином по чертежам, скачанным из Интернета.

Хозяин — Виктор Степанович Снегирёв, седовласый пенсионер, — сидит перед камином, молча смотрит на огонь, курит самодельную трубку. Босые ноги его, поставленные на мягкий собачий живот, утопают в шерсти Дика, ощущают худыми ступнями его тепло и сонные вздрагивания. Сытый Дик, проснувшись, открыв пасть, лениво зевает, приподняв голову с короткими торчащими ушами, смотрит сонными глазами, ещё не совсем понимая, где он, во сне или наяву видит хозяина, откидывается на подстилку, продолжает дремать. «Всё хорошо... Всё спокойно...» Так, наверное, думает он. По-своему, конечно, по-собачьи.

Хозяин, набросив на плечи меховую безрукавку, время от времени берёт со столика, придвинутого к креслу, чашку с кофе, отпивает глоток-другой. Он тоже думает. Мысли его, человеческие, однако, совсем далеки от личных переживаний, от

тягостей одиночества, от хлопот в покинутом им городе, от сует всего мира. Он — писатель. Уединившись в тиши дачного посёлка, нарушаемой лишь пискom синиц, вьющихся возле кормушки, стрекотанием сорок, грохотом изредка проходящих неподалеку поездов, их свистками, гудками, писатель всецело погружён в жизнь героев своего исторического романа — древних скифов, некогда кочующих по степным просторам.

А Дик... Может, он и не спит, а так, лежит, придавленный к полу елозящими по нему стопами хозяина. Да и зачем, по правде говоря, ему вставать? За бревенчатыми стенами — пронизывающий ледяной ветер, дикий холод, называемый в народе собачьим. Почему не кошачьим? Потому что коты всегда в тепле, на припечке или у обогревателя на лавке, мурлычат от удовольствия. А собаки в будках трясутся, зубами чкают.

У писателя Дику живётся хорошо. Не на что ему жаловаться. Всегда сыт, всегда в тепле. Летом хозяин идёт в лес по грибы, по ягоды, погулять по берегу реки, всегда берёт Дика с собой за компанию. Наполнив корзину белыми грибами, подберёзовиками, маслятами, набрав лукошко полевой клубники или ведро дикорастущей смородины, они отдыхали, развалившись на густой траве, обедали, разделив поровну хлеб, сыр, колбасу. Не торопясь шли домой. Знакомые дачники при встрече вежливо здоровались, осведомлялись:

— Ну что, Дик? Жив-здоров, псина?

При этом обязательно трепали собаку, хватали за шерсть на загривке, хлопали по спине. Дик не возражал. Опустив кудлатую голову в наморднике, молча выслушивал тирады реплик, замечаний и похвал в свой адрес. Если это были случайно встреченные люди, короткий разговор происходил одинаково и примерно так:

— Серьёзный пёс! Надёжный охранник? Загрызёт, если кто нападёт на вас?

— Нет... Мне самому приходится охранять его...

— На охоте, наверное, хороший помощник?

— Нам нет надобности стрелять в животных и птиц...

— Что умеет ваша собака?

Писатель в ответ недоуменно плечами пожимает:

— Ничего не умеет... Ест да спит на коврике...

— Зачем он вам, такой никчемный?

— Я люблю его... Только и всего...

— Как можно любить никчемное животное?

— Прежде всего, оно, это самое, как вы говорите, никчемное животное, беззащитно... Мне жаль его... И потом... Собак и кошек любят за их ласку, красоту и доброту... Общение с ними доставляет человеку радость, приносит успокоение душе...

— За доброту, говорите? А сами на свою собаку намордник надели... На коротком поводке держите... Укусить может... Ведь так?

— Нет... Не так... На поводке и в наморднике я вожу Дика, чтобы злые люди его не покусали своими придирами... Да что говорить? Вам не понять... Пошли, Дик...

Если встречались друзья писателя, давно знавшие Дика, они с радушной улыбкой приветствовали его как старого доброго приятеля:

— Здравствуй, Дик! Отъелся-то как! Нехило, смотрю, живётся тебе у нового хозяина... Натерпелся, бедолага, в лихие времена... Ну, теперь ничего... Тёплая лежанка, чашка с кормом, беззаботная старость... Чтоб я так жил, Дик! Всего наилучшего, Виктор Степанович! Творческих успехов! Здоровья вам и вашему Дику!

Что думает Виктор Степанович, молча глядящий на пылавшие в камине дрова, неизвестно Дику. Ему известно лишь одно: отринется вдруг хозяин от созерцания пламени, встряхнётся, точно проснувшись от сна, и, чем-то взбудораженный, схватит со столика ручку и начнёт быстро-быстро водить ею по бумаге, исписывая лист за листом, время от времени перечёркивая какую-нибудь страницу, бормоча себе под нос что-то непонятное, и швыряя её в огонь, безжалостно пожирающий столь лакомую добычу.

Иногда Виктор Степанович снимает босые ноги с Дика, на ощупь суёт их в тапочки, встаёт с кресла, раскуривает трубку и начинает ходить из угла в угол. И Дик не поднимается с лежанки. Он знает: хозяин, озарённый одному ему ведомой мыслью, вдруг вернётся к креслу, усядется в него, сбросит с ног тапочки, нащупает ступнями тёплый собачий бок и опять примется изводить бумагу, сжигая листы. Дик, уголком глаза проследив за хозяином, снова смыкает веки и задрёмывает. Он сыт, ему тепло и спокойно.

Что снится ему в этот зимний день? Может быть, далёкая слякотная осень, захоlustье железнодорожной станции, куда деревенские мальчишки принесли для продажи ведро клюквы? Голодный беспризорный пёс, без имени, без ошейника, увязался за детворой в надежде ухватить кусок хлеба. Но ребята съели свои скромные припасы ещё в лесу, им не терпелось поскорее вернуться домой и поужинать. Им нечего было дать бездомной собаке, они участливо гладили её, и от их грязных рук приятно пахло жареной рыбой.

В тот хмурый день моросил дождь. Курточки детей промокли, прилипли к их худеньким плечам и спинам. Два мальчика, десяти и двенадцати лет, бережно несли пластмассовое синее ведро с дарами болот, аккуратно, чтобы не споткнуться и не рассыпать ягоды, перешагнули через рельсы. Они прошуршали резиновыми сапогами по щебню и подошли к поезду, стоящему в ожидании зелёного сигнала светофора.

— Дяденька, а дяденька... — постучал камешком по кабине электровоза более рослый мальчик, держащий в левой руке ведро с клюквой, а правой прикрывая капюшоном куртки мокрую рыжеволосую голову. С носа его, усыпанного веснушками, с белёсых ресниц свисали капли.

— Чего вам, пацаны? — открыв окно, высунулся пожилой машинист с усталым от бессонной ночи лицом.

— Купите, дяденька, клюкву... Недогого погодадим... Ну купите, а?.. — картаво заканючил мальчик, задрав вверх голову и с тоскливой надеждой глядя на машиниста.

Позади него стоял такой же рыжий мальчик, младший брат его. Рядом с деревенскими мальчишками вертелась серой масти собака. Не то лайка, не то помесь её с дворнягой. Пёс уселся на галечной насыпи, по примеру детей задрал морду кверху и в ожидании подачи просяще загавкал.

— Это ещё что за компания такая собралась тут? — строго спросил молодой помощник машиниста, вышедший в тамбур. — А ну марш отсюда! Здесь зона повышенной опасности! Посторонним находиться на путях запрещено... Ещё и пса привели с собой... Идите на базар и там торгуйте...

— Ну дяденька... Почти задагом погодаём... Нам только тетгадки, гучки и кагандаши купить...

— И краски акварельные с кисточками,— добавил младший братишка.

— Уходите отсюда! Вот задам я вам сейчас на краски!

Дождь припустил сильнее. Дети съёжились, прижались друг к дружке. Пёс, не получив ничего, опять требовательно залаял.

— Да погоди, Толян... Не гони пацанов... Жалко их... Посмотри, какие заморыши.

— Не замогыши мы... Я Витька... А это Гомка... Бгатам мой... Нашего папку тгактогом задавило... Мы мамке помогаем... Она у фегмега габотает. Он ей мало платит... Купите, дяденьки, клюкву... Пятьсот гублей за ведго... На базе по тыще просят...

— Не знает, наверное, мать, что вы на станции клюкву продаёте?

— Знает... Купите, дяденьки... Ну за четыгеста...

— Ну, купим... А как мы её домой повезём? В чём?

— А мы с ведгом пгодадим...

— Ладно... Уговорили... Беру вашу клюкву. Собачку как звать?

— Не знаем... Пгиблудная она...

— Хвост туго закручен... На лайку похож пёс... А что, Толян? Прихвачу ничейного пёсика... Серьёзная, судя по нему, собачка...

— Зачем, вам, Николай Егорович, этот никчемный пёс? Хлопот не оберётесь... Кабы в частном доме собаку держать, а не в квартире.

— Давно мечтаю в настоящей дремучей тайге отпуск провести... На белку, на соболя поохотиться... Когда-нибудь сброшу путы семейного бытовизма, рвану в Забайкалье или в Хабаровский край... Заберусь в самую глушь... Подальше от городской суеты... Договорюсь с вертолётчиками... Забросят и назад потом заберут... Эта псина умная, кажется мне... Сгодится на охоте... За товарища будет мне в зимовье... Как назвать его, подскажи...

Помощник машиниста обтёр замасленные руки ветошью, поскрёб в затылке пальцем. Неопределённо хмыкнул.

— Может быть, Диком?.. У моих соседей есть бультерьер Дик... Серьёзная собака! Не то что эта никчемная псина...

— А что? Неплохая кличка... Короткая и звучная, как выстрел... А никчемный он или нет, это мы ещё посмотрим... Да, Дик?

Машинист Николай Савичев, почётный железнодорожник, спустился с электровоза с куском колбасы и деньгами. Рассчитался с детьми, и они, счастливые, сломя голову убежали. Пёс, учуяв колбасу, завертелся у ног машиниста, тотчас забыв о мальчишках.

Савичев поднял ведро с клюквой, передал помощнику и помахал колбасой перед носом собаки:

— На, возьми... Дик!

Савичев и глазом моргнуть не успел, как пёс выхватил колбасу из его рук и мигом проглотил. С голоду не поняв, что съел, он ждал новой подачи, преданно глядел на человека, внимательно следя за каждым его жестом и движением, готовый в любую секунду метнуться за пищей.

— Э, Дик, да ты вон, оказывается, какой... Шустрый...

— Смотри, Егорыч... Цапнет...

— Теперь не цапнет... Подниму его, ты за передние лапы ухвати и тащи в тамбур...

Помощник машиниста, плечистый ладный парень, недавно вернувшийся в депо после срочной службы в танковых войсках, боязливо взялся за вытянутые вперёд собачьи лапы. Вдвоём они кое-как запихнули пса в электровоз. Савичев достал из портфеля и отдал собаке оставшийся от обеда ломоть хлеба, намазанный маслом, который был с жадностью проглочен. На светофоре красная, цвета рубина, линза засветилась зелёным изумрудом, раздался свисток, и поезд, громыхнув автосцепками, медленно тронулся, всё убыстряя разбег, увозя пса-бродягу. Впрочем, последнее обстоятельство его не тревожило. В кабине было тепло и чисто. Из раскрытого портфеля до чуткого собачьего носа доносился вкусный запах обёрточной бумаги, в которую была завернута съеденная им колбаса. Колёса мерно постукивали, и пёс доверительно лежал у контроллера. Иногда, при завывании мощных вентиляторов или грохоте компрессоров, он испуганно прядал ушами, но машинист и его помощник, перебрасываясь словами должностной инструкции, сидели спокойно за пультами управления, и, судя

по их доброжелательным взглядам на собаку, беспокоиться ей было не о чем.

С тех пор прошло семь лет. Они утекли быстрее, чем вода из чайника, часто наливаемая писателем в кофейную чашку. Жаркое, но короткое сибирское лето сменялось осенними холодами, долгими, морозными, снежными зимами. И вот опять зима. Но скоро, Дик это знает, на даче писателя зажелтеют нарциссы, распустятся нежные белые и свекольно-красные пионы, возрадуют глаз бархатные гладиолусы, вскружит голову аромат флоксов, расцветут астры, а за ними опять холода, морозы, метели...

Дик стар. Ему лень вставать и бродить дальше дачного участка. Когда наступит лето, хозяин наденет на него новый кожаный ошейник, возьмёт на короткий плетёный поводок и поведёт в лес, на природу, но Дик уже не захочется тащиться туда. А сейчас, пока за окнами вьюжит и снежная белизна слепит глаза, а от камина веет горячим теплом, хорошо лежать, нежиться на мягкой подстилке, ощущая на себе ласковое прикосновение босых ног хозяина.

Проснувшись, Дик не соображает спросонья, видит ли он всё в действительности или то продолжается сон... То скучный, однообразно-томительный, то тревожный, со вспышками гнева, испуга, тоски. Зевнув, он продолжает дремать, положив голову на тапок хозяина. И разные картины короткой собачьей жизни возникают перед ним.

Вот он дома, лежит на домотканом круглом коврик в углу за книжным шкафом. Хозяйка, красивая полногрудая женщина средних лет, возится на кухне, готовит обед. Ей нет дела до Дика, которому нестерпимо хочется на улицу по своим собачьим надобностям. Он крепится изо всех сил, ждёт из поездки хозяина, сторожит каждый шорох в подъезде, каждый стук входной двери. Его чуткий слух чётко различает чужие шаги и хозяина, неторопливые шаги человека, устало поднимающегося по ступеням с этажа на этаж. Вот гроыхнула в подъезде железная дверь, и Дик, сорвавшись с места, выбегает в прихожую, чем вызывает недовольное замечание хозяйки:

— Навонял псиной, мерзавец... Шерсти натряс... Чихай теперь от тебя. Взялся на мою голову, окаянный! Тварь никчемная! Дрыхнет, когда чужие люди в квартиру входят...

Входит хозяин. Дик, встав на задние лапы, пытается лизнуть его в лицо. Хозяин ставит дорожный портфель, обнимает Дика, прижав к себе, и, пока надевает на него намордник и цепляет к ошейнику поводок, хозяйка не перестаёт браниться:

— Николай, ты же знаешь, что у меня аллергия на собак и кошек... Так нет... Припёр кобеля никчемного... На кой ляд он сдался мне? Ты спросил у меня разрешения заявиться домой с ним? Выгуливать его я не собираюсь... Нагадит в комнате, пока ты в поездке,— убирай за ним сам...

Помнит Дик, что так было всякий раз, когда хозяин возвращался домой. Ругань, скандалы, ссоры...

Вот снится Дик: хмурый, не выспавшийся после ночных рейсов хозяин молча надевает на него намордник, берёт на поводок, и они идут гулять на берег реки. Дик резвится, гоняется за чайками. Хозяин швыряет палку в воду. Дик бросается в неё, подплывает к палке, хватает зубами, выскакивает на прибрежный песок, подносит хозяину. Отряхивается от воды, преданно заглядывая хозяину в глаза, усаживается рядом. Он знает: сейчас хозяин достанет из кармана железно-дорожного кителя плоскую бутылочку с коньяком и свёрток с закуской. Прежде чем выпить, он даст Дикю кусок докторской колбасы. Потом, сделав глоток-другой из бутылочки, хозяин закурит сигарету и, отмахиваясь от комаров форменной фуражкой, будет с грустью беседовать с ним о неудавшейся семейной жизни, выговаривать давнюю душевную боль.

— И что за житуха у нас с тобой, дружище? Никакого сладу со сварливой бабой... Не выносит она твоего присутствия... Да и моего тоже... А всё, Дик, я так полагаю, что не любит она меня... Больше скажу: ненавидит... Да... А за что? Работаю как проклятый... Зарабатываю нормально... Деньги все до копейки ей отдаю... А ей всё мало... Придирается из-за всякой ерунды... Из ничего проблему делает... А всё, Дик, я так полагаю, из-за того, что у нас нет детей... Смолоду глупость Светлана сделала... Всё говорила: рожать рано... Надо пожить для себя... Не послушала меня, пошла в больницу, избавилась от ребёнка... Неудачно... Вот с тех пор и живём одни... А меня живьём готова

съесть из-за тебя... А куда тебя деть? Не на улицу же выгонять тебя?.. Мне тебя жаль... Как это смогу выгнать я тебя на мороз?.. Я так ей и сказал... А она мне: «Ну, если тебе кобель дороже моего здоровья, катись и сам вместе с ним на все четыре стороны!» Такие, дружище, дела... Да что тебе говорить?.. Ты и сам хорошо знаешь, какая у нас обстановка в доме... Скоро на пенсию мне... И как мне с ней жить дальше? Не понимаю... Совсем несносная стала... Того и гляди запустит в меня утюгом... Однако, Дик, а не рвануть ли нам с тобой и в самом деле куда-нибудь в тайгу?.. Найдём охотничью избушку и заживём спокойно... А что? Много ли нам с тобой надо? А? Ты как? Согласен? Ну вот и чудненько... Вот и ладненько...

Дик слушал хозяина, положив голову на передние лапы, время от времени вздыхая, чувствуя печальный тон в его словах, со страхом ожидая возвращения в квартиру, где те же сердитые окрики, грохот со злом брошенных кастрюль. Дик испуганно вздрагивал, готовый вскочить, забиться куда-нибудь под стол, но рука хозяина, лежащего на диване перед телевизором, опускалась, ласково гладила, и ровный голос успокаивал:

— Лежи, лежи, Дик... Я здесь... Не бойся... Погоди, дружище... Разменяю квартиру... Будет у нас свой угол... Заживём нормально с тобой... Нам любая комнатка сгодится...

Одно видение сменяется другим...

Дик постанывает во сне, дрожит, мелко-мелко перебирает ногами...

Видится ему прозрачный, блестящий на зимнем солнце лёд... Полынья... Барахтающийся в чёрной воде хозяин, тщетно пытающийся выбраться на кромку льда, но та обламывается под ним... Хозяин голыми красными руками царапает лёд... Дик ползёт к нему, подбирается к самому краю полыни... Хозяин хватается негнушимися от холода пальцами за ошейник, что-то силится крикнуть, но губы его занемели, он не может пошевелить ими. Дик пятится, скрежещет по льду когтями, выволакивает тонущего мокрого хозяина из воды. Хозяин отползает от полыни, вскакивает и, не вспоминая об оставленных на льду рыбацких снастях, бегом устремляется на остановочную платформу. Подходит электричка, хозяин помогает Дикуну вскарабкаться в неё. Дик устраивается под

лавкой у электропечки, где он тотчас засыпает под ровное гудение моторов. От одежды хозяина исходит пар, его рука нашаривает голову Дика и ласково гладит за ушами...

Писатель крутнулся в кресле, постучал о каминный кирпич трубкой, выколачивая пепел, нашёл ногами шлёпанцы и ушёл на кухню, включил чайник. Дик проснулся, но продолжает лежать с закрытыми глазами, всё ещё находясь под впечатлением пережитых во сне треволнений. Очнувшись, не сразу понял, где он и что с ним. Зашумевший на кухне чайник вернул к действительности. Знакомые шкрябанья шлёпанцев по деревянному полу успокоили, настроили на благостную дрему.

Но не прошло и несколько минут, как он задёргался, взъерошил шерсть, зарычал и по-щенячьи визгливо взлаял. В этот утренний час, лёжа у тёплого камина, Дик упустил заснеженную тайгу, хозяин, идущий впереди на широких охотничьих лыжах, медвежья берлога под выворотнем старой, поваленной бурей ели. Вот хозяин снимает с себя рюкзак, достаёт из него топорик и рубит тонкую сосенку. Очистив её от ветвей, клацает затвором карабина, подходит к берлоге, тычет в неё жердиной раз, другой. Снег под ней вдруг взмётывается метельным облаком. Раздаются один за другим два выстрела, но пули не остановили разъярённое косматое чудовище. С яростным рёвом раненый медведь бросается на охотника. Тот падает, роняет в снег карабин, медведь остервенело рвёт на нём одежду. Дик бросается на свирепого зверя сзади, вцепляется в него клыками и неистово грызёт, грызёт его. Медведь оставляет охотника, норовит схватить собаку. Дик увёртывается от когтистых лап, но снова грохочет выстрел, и медведь валится к ногам охотника, успевшего вскочить, поднять карабин и выстрелить. Левая рука хозяина выше локтя покраснела, разодранный рукав куртки намок от крови. Хозяин перевязывает рану и принимается за медведя: снимает шкуру, отделяет от мяса сало, от кишок жир, разделяет тушу. Нагрузившись мясом, он идёт в зимовье, где растапливает печь, жарит свежину. Лучшие куски хозяин отдаёт Дик. После ужина хозяин, сморщившись, обрабатывает рану перекистью водорода,

накладывает новую повязку и с особой нежностью гладит Дика, целует его в мокрый, холодный собачий нос.

— Милый Дик... Сегодня ты во второй раз спас меня от верной гибели... Подмял меня медведь... Смердно дышал своей зловонной пастью... Ты видел, какие у него зубищи? А когтищи? Несдобровать бы мне... Факт... Да я сам виноват... Надо было отбежать от берлоги подальше, когда пошурудил в ней... Замешкался... А он! Ты видел? Как вымахнет из-под сугроба! Промахнулся я сгоряча... Две пули — и обе в брюхо ему... А ему хоть бы что... Видели бы это те, кто называл тебя никчемным... Кабы не ты, Дик, всё, хана бы мне... Да я-то что... Я не про себя... Ты бы один тут остался... С голоду бы издох... Ведь так? А, Дик? Как подумаю об этом, слёзы на глаза наворачиваются...

И ещё снится Дику...

Ужасный, грохочущий рёв страшного, огромного чудовища, поднимающего вокруг пыльную бурю, внутрь которого хозяин вталкивает насмерть перепуганного Дика, упирающегося всеми четырьмя лапами. Однообразно стрекочущий гул, багряно-жёлтая с зелёными пятнами тайга, проплывающая далеко внизу, набитые одеждой и обувью рюкзаки, мешки с провиантом, ящики с капканами, патронами, топором, пилой, гвоздями и ещё другими вещами, необходимыми для одиночного долгого проживания в охотничьем зимовье.

Помнит Дик, как выгрузились они на большой поляне, заросшей багульником, окружённой вековыми кедрами. На краю её виднелась неказистая избушка с почерневшими бревенчатыми стенами. Разметая опавшую листву и пожухлую траву, прихваченную первым морозцем, грохотало чудовище. Человек с наушниками на голове, высунувшись из кабины, сипло, с надрывом, кричал хозяину:

— Прилечу в начале марта... Будь готов к отлёту... Не забудь: в начале марта... Точно сказать не могу... Расчёт — как договорились вчера в аэропорту: мне половину соболей и другой добычи... Ну, давай! Удачи!

Тяжёлая махина зарокотала сильнее, пригнула ветром от лопастей куст калины, оторвалась от земли, поднялась над деревьями и скрылась из виду.

— Ну вот, Дик... Остались мы здесь одни на всю зиму... Ладно... Будем перебираться на новое место жительства,— взвалив на себя рюкзак и прихватив в каждую руку по объёмистому пакету, бодрым голосом сказал хозяин.— Красотища-то какая, а, Дик? Ты только посмотри! Дик! Где ты? Дик! Не бойся... Он улетел... Испугался, да? Дик! Дик! Ко мне, Дик!

Из кустов понуро выбежала собака, насторожённо прислушалась. Виновато виляя хвостом, подошла к хозяину, всё ещё не доверяя тишине.

— Напугал тебя вертолёт? Ничего, дружище... Привыкай... Обратного скоро полетим... Пилот обещал забрать нас в первых числах марта... Так что, брат, осваивай тайгу... Но учти, старина Дик... Здесь тебе не парк культуры и отдыха... И даже не загородный лес, где мы собирали грибы... Тут, дорогой мой, не только колонки, соболя и белки... Здесь лоси, кабаны, изюбры, рыси, росомахи, медведи и волки... Так что, брат Дик, держи ухо востро, а хвост пистолетом... Не расслабляйся... Всё обойдётся... Ведь нас двое... Ты за меня... Я за тебя... Ведь так?

Дик уже не слушал хозяина, тащившего ношу к избе. Шорохи, звуки леса, необычные запахи, неведомые ушам и обонянию человека, уже завлекли его в чащу деревьев, откуда вскоре донёсся азартный лай.

— Белку нашёл? Подожди, Дик... Некогда мне... Дай управиться с пожитками... Обустроиться надо в зимовье... Паутину, пыль, мусор вымести... И белка нам не добыча... Соболей будем ловить... Хотя на приманку тушка белки даже очень сгодится... Завтра с утра рванём в тайгу... Путик наметим... Капканы разнесём по нему... А пока развлекайся, Дик... Отведи душу после городского жития-бытия...

Много чего довелось испытать им в ту суровую морозную зиму. Конечно, более всего памятна схватка с медведем. Когда снится ему лохматое чудище, снежным вихрем взметнувшееся из сугроба, дыбится шерсть на загривке, хриплое рычание слышится в тихой комнате дачного дома. Писатель толчком босой ноги тормозит собаку, недовольно ворчит:

— Хватит... Угомонись... А то выгоню на мороз... Рычи там сколь хошь... С мысли сбиваешь... Лежи, кому сказал!

И новые незлобивые пинки босой ноги: бац, бац...

Вздрыгнув, Дик просыпается. Придавленный ногами писателя, продолжает лежать с закрытыми глазами, млея от горячего каминного тепла. Хорошо ему! Как в ненастный ноябрьский вечер, когда, заплутав, они заночевали в тайге. Хозяин, тот, прежний, поставил палатку, набросал в неё елового лапника, и они, тесно прижавшись друг к другу, спали под шелест накрапывающего холодного дождя.

И ещё не забыть Дикую того страшного гула, когда на поляну прилетело чудовище, разнося вокруг себя талый мартовский снег. Свистя лопастями винтов, оно мягко опустилось возле груды прорезиненных мешков с лосятиной, медвежьей шкурой, замороженными на чердаке зимовья стреляными рябчиками. В этой куче вещей, конечно же, главным был рюкзак с мягким золотом — соболиными шкурками.

— Давай! Забрасывай! Быстро! Могу ждать десять минут,— прокричал из кабины командир экипажа.

Савичев стал спешно забрасывать в салон охотничье снаряжение, мешки с добычей. Второй пилот, стоявший в дверях, подхватывал их, относил в багажное отделение.

— Всё! Время вышло! — прокричал вертолётчик.— Поднимайся сам, и поехали...

Вдруг Савичев спохватился о собаке. Впопыхах он забыл о ней. Дик! Где он?! Вот, несколько минут назад, перед самым прилётом винтокрылой машины, крутился здесь, обнюхивал мешки, с рыком скалил зубы на свёрнутую медвежью шкуру, взбудораженно лаял, чувствуя необычную перемену в поведении хозяина.

— Дик! Ко мне! Дик! — громко, изо всех сил, стал звать Савичев, в панике кидаясь на поиски из стороны в сторону.— Дик! Дик! — до хрипоты в голосе кричал Савичев, с каждой секундой теряя надежду улететь вместе с верной собакой.

— Всё! Больше ждать не могу... Из-за твоего дурного кобеля не собираюсь терять лётную работу... Или поднимайся в салон... Или оставайся... Из-за какой-то псины... Когда прилечу за тобой, не знаю... Нас на Крайний Север отправляют... В Хатангу... Ну что? Решай скорее! — кричал вертолётчик.

Савичев взялся за трап, в последний раз с надеждой оглядел поляну, тянул секунды, казавшиеся годами: вдруг ошалелый Дик выскочит из кустов? Не выскочил!

— Ну ты что?! Садисься? Плюнь ты на этого никчемного дворимана! Хочешь меня под монастырь подвести? Уже пятнадцать минут стоим... Меня выгонят к чертям из лётного отряда! Прав пилота лишат... Всё! Поехали! — терпя терпение, со злом прокричал вертолётчик.

— Нет... Не могу... — со стоном прохрипел Савичев. — Лети без меня... Выбрось мой карабин и синий рюкзак с патронами...

— Ну и дурак же ты! Как и где я теперь верну тебе твою долю? Таких денег у меня с собой нет...

— Да ладно... Не в деньгах счастье, — отбегая от вертолёта, ответил Савичев. — Даст Бог, свидимся... Земля круглая...

Вертолётчик покрутил пальцем у виска, показывая Савичеву, что у того «не все дома», покачал головой, закрыл окно, и огромный Ми-8, сотрясая воздух, взмыл в небо. Савичев, с карабином наперевес в одной руке и с полупустым рюкзаком в другой, постоял немного, провожая печальными глазами удалявшийся вертолёт, и зашагал к зимовью. Откуда-то из-за поленницы дров выскочил Дик, радостно кинулся навстречу хозяину.

— Эх, Дик, Дик... — грустно проговорил Савичев. — Выпить бы сейчас... И закурить... Фляжка со спиртом и сигареты улетели... Эх, Дик, Дик... Как нам теперь выживать? Как выбираться отсюда? Болота кругом... Реки разливные... Мошка, комарьё... Что ты наделал? А, Дик?

Дик слушал, склонив голову на передние лапы, исподлобья поглядывая на хозяина, чувствуя в его голосе жалобные нотки. Но что это? Он плачет... Слёзы капали из глаз хозяина на морду Дика. Лево́й рукой Савичев утирал их, а правой безвольно поглаживал собаку. Зла на Дика у него не было. И Дик это понимал по ласковому перебиранию шерсти под ошейником.

— Эх, Дик, Дик... Я во всём виноват... Не подумал второпях о тебе... Не прицепил... Не взял на поводок... Прости, дружище, старого идиота... Но не будем падать духом... Вспомним Робинзона Крузо, который оказался после кораблекрушения на необитаемом острове... Но ему удалось много вещей перетащить с разбитого корабля на берег... А что мы имеем? У нас есть карабин и десятка два патронов... Спички и соль, топор и пилу мы здесь оставили... Для других... Оказывается,

для самих себя... Так-то вот, брат Дик... Делай добро другим — оно к тебе воротится... Вон ещё пара банок тушёнки говяжьей, две со стужёнкой... Пакет сахара... О! Полное ведро вермишели, рожек, лапши... Крышкой накрыл от мышей, когда уходил... Выходит, о себе позаботился... Живём, Дик! Изюбра забьём... Или косую... А может, кабана... Мясо будет... Жир, сало... Не пропадём... Скоро река вскрыется... Лёд сойдёт, плот соорудим... Пойдём вниз по течению... Куда-нибудь к людям приплывём... Ладно, не переживай, что так вышло... Не будем горевать понапрасну...

В конце апреля начался ледоход. Дик помнит, как они приходили к реке и подолгу сидели на обрыве, наблюдая, как проносились льдины, натываясь одна на другую, ломая, подминая прибрежные кусты. Через несколько дней река освободилась ото льда, но продолжала тащить подмытый бурным течением всякий лесной мусор. Огромные толстые стволы упавших в воду лип, тополей, осин, сосен, берёз неудержимо плыли, нагромождались, образуя заторы. Савичев, машинально перебирая пальцами шерсть за ушами Дика, молча смотрел на шумную стремнину с пенящимися водоворотами, думал. О чём? Наверное, о том, как выбраться из глухомани дремучей тайги... О квартире, оставленной с руганью полгода назад... О жене Светлане... Как она там?

Связать плот и сплавиться на нём не представлялось возможным. Без вёсел, управляясь одним шестом, не удержаться на стремнине. Река неминуемо выбросит на каменистые отмели, на гранитные пороги, уступами торчащие из клокочущей воды, опрокинет хлипкое плавсредство, сооружённое из связанных между собой нескольких брёвен, разобьёт о скалы. Нет... Погубишь и себя, и собаку... Идти вдоль берега, продираясь сквозь колючие, непроходимые дебри, сквозь непролазную чащу затопленных тальников, ивняков, шиповника, — тоже никаких шансов. Остаётся одно: ждать новой зимы и по льду, покрытому снежной порошей, отправиться в далёкий путь.

Дик помнит, что в то лето хозяин брал его с собой и уходил в тайгу за грибами и ягодами, за кедровыми орехами. В дождливые ненастные дни хозяин, не выходя из зимовья, пилил, стучал топором, вытёсывая полозья и дощечки для небольших лёгких саней.

Наконец пришли долгожданные морозы. И однажды ранним утром, уложив на сани мешок с провизией и пожитками, прихватив карабин и топор, Савичев накинул на плечо верёвку и зашагал по гладкому, сверкавшему на солнце льду. Дик, высунув язык, бежал рядом, скользил, неловко разъезжаясь лапами, царапал когтями лёд.

— Эх, Дик, Дик... А я-то, грешным делом, хотел тебя запрячь в сани... Да, вижу, помощник из тебя на льду никудышный... Впрочем, пока мне и самому не в тягость... Садись, дружище, на сани... Так оно вернее будет...

Савичев взгромоздил собаку на мешок, привязал за ошейник к полозьям, чтобы Дик не спрыгнул с саней. Они снова двинулись в путь. И Дику было тепло и удобно лежать на мешке, застеленном сухой травой. В полдень хозяин делал привал, грыз варёное стывшее мясо и больше, чем себе, давал Дику. В сумерках, где-нибудь под выступом скалы, под крутым обрывом, в затишном месте, он сооружал шалаш, покрывал его лапником, набрасывал внутрь охапку камыша, разводил костёр, кипятил чай, варил кашу. Они ужинали, укладывались спать, укрывшись курткой. Дик, прижавшись спиной к хозяину, не шевелясь, сладко засыпал, вздрагивая во сне. Снилось ему безмолвная лента реки с волнообразными налётами белого снега, слепящего глаза, со строчками заячьих и лисьих следов...

— Хватит спать, лежебока! Пора в дорогу... Нас дома уже, наверное, потеряли... Вставай давай...

Разбуженный криком хозяина, Дик нехотя выползал из шалаша, потягивался, щурясь на скупое зимнее солнце.

— Ты ещё не отлежал бока, засоня? Лентяй! И за что только я люблю это никчемное создание? — слышит Дик, не открывая глаз, и спросонья не понимает, где он: в зимовье, в шалаше на берегу реки или в дачном доме писателя. Да... Это новый добрый хозяин... Его холодные ступни вошьшат ему шерсть на загривке...

Дик не торопится вставать... Зачем? Он сыт... Ему приятно лежать и дремать, вспоминая прошлое...

Они вернулись домой, и дверь им открыл незнакомый плечистый грузин в шлёпанцах и в распахнутом настежь

домашнем халате Савичева. Был он высок, черноволос, с волосатой грудью и лохматыми ручищами, торчащими из рукавов, с тонкими усиками на широком смуглом лице.

— Табэ каво, дарагой? — с кавказским акцентом недовольно спросил мордovorот, косясь на собаку, обнюхивающую халат, пахнувший хозяином, загораживая вход в квартиру массивной фигурой.

— Как это «кого»? — недоумевая, потрясённый видом рослого человека в собственном халате, растерянно спросил Савичев. — Я здесь живу...

— Нэт, дарагой... Ты здэсь нэ живёшь... Свэта! Какой-то мужик барадатый гаварит, что живёт здэсь...

Красивый пеньюар, новые золотые серьги и золотая цепочка с кулоном, жемчужное ожерелье, модная причёска — всё это разом бросилось в глаза Савичеву, как только в прихожей появилась Светлана. Уперев руки в бока, она раздражённо, со злом, проговорила:

— Натe вам! Явился — не запылится! Размечталась я, что сгинул ты где-нибудь в тайге дремучей... А он — поди ж ты! Нарисовался... Ещё и с псом никчемным! В квартиру не пуцу! Иди туда, откуда пришёл... Хотя погоди... Шмутьё твоё собрала тебе...

Сказав так, Светлана открыла шкаф, достала из него старый, выдавший виды, ободранный по углам чемодан и две потрёпанные сумки с носильными вещами мужа, теперь уже бывшего, выставила их на лестничную площадку.

— Вот, забирай своё барахло! Бродяга! И чтобы глаза мои тебя больше не видели! — отпихнув ногой чемодан, заявила Светлана.

Дверь захлопнулась перед остолбеневшим Савичевым.

Многое с того злополучного вечера стёрлось в памяти Дика. Лишь иногда, жмурясь от яркого света электрической лампочки или солнечных лучей, заглянувших в заиндевевое окно дачного дома, в полудрёме, в полусне, видится ему тряпичный коврик у скрипучей кровати старого общежития, в котором Савичев снимал комнату. Хозяин, часто ворочаясь и вздыхая, лежал на ватном тьюфяке, сложив ноги в стоптанных туфлях на железную спинку кровати, а Дик блаженствовал на лоскутном коврике. Было тихо и спокойно, никто не

кричал на них. Иногда к ним заезжал на «уазике» писатель Снегирёв, любитель посидеть с удочкой у затянутого ряской камышового озера, где на утренней зорьке хорошо клевали жирные караси. Хозяин обувал резиновые сапоги, брал удочки, рыбацкий котелок, хлеб, картошку, лук, приправы к ухе, бутылку водки и коротко бросал Дику одно слово:

— Пошли...

Счастливые, забыв обо всём на свете, кроме предстоящей рыбалки, они выходили из подъезда и шли к поджидавшей их машине.

Дик не знает, где, когда, при каких обстоятельствах познакомились, подружились писатель Снегирёв и железнодорожник-пенсионер Савичев. Лёжа у костра, вдыхая вкусный запах ухи, варившейся в подвешенном над огнём закопчённом котелке, Дик изредка приподнимал голову, вслушивался в неторопливый разговор приятелей. До него доносились отдельные непонятные ему слова и фразы, произнесённые с душевной болью, с оттенками горечи и сожаления. Дик чувствовал перемену в интонациях писателя и хозяина. Уронив голову на передние лапы, Дик терпеливо ждал, когда хозяин поставит перед ним чашку с ухой, предварительно остудив её, выбрав из рыбы все кости, молча смотрел на пламя и порой вздыхал тяжело и глубоко.

Дик не знает, когда случилось самое страшное в его собачьей жизни, но хорошо помнит, как выл он в пустой комнате, где закрыли его после того, как санитары вынесли из неё умершего хозяина.

Вспоминая его доброту и ласку, Дик тоскливо смотрит на хорошо знакомую ему камуфляжную куртку, забытую прежним хозяином на даче писателя. Слёзы, старческие, а может, жалостливые, скатываются из подслеповатых глаз на седеющей морде. Дик закрывает глаза, чтобы видеть Савичева. Во сне или наяву. Не различает он сновидения от действительности.

Спокойно дремлет Дик у босых ног писателя. И если бы он мог говорить, наверное, сказал бы: «Повезло мне на добрых, заботливых хозяев, моих настоящих друзей».

Хорошо, когда собака — друг человека, но ещё лучше, когда человек — друг собаки.